

Даниэла
Тим

Старые письма

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Серия «Даниэла»

Danielle Steel
GRANNY DAN

Перевод с английского *Е.В. Погосян*
Оформление обложки *А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко*
Студия «FOLD&SPINE»
Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Mortion L. Janklow Associates и Prava I Prevodi International
Literary Agency.

Стил, Даниэла.

С80 Старые письма : [роман] / Даниэла Стил ; [пер.
с англ. Е.В. Погосян]. — Москва : Издательство АСТ,
2016. — 256 с. — (Даниэла).

ISBN 978-5-17-097302-6

«Старые письма» — это волнующая история пылкой
и нежной любви. Юная балерина, танцовщица император-
ского театра, чьим талантом восхищались при дворе, отда-
ла свое сердце благородному дворянину.

Разрушить это возвышенное светлое чувство оказа-
лись не в силах ни разлука, ни время, ни сама судьба...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Danielle Steel, 1999
© Перевод. Е.В. Погосян, 2000
ISBN 978-5-17-097302-6 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Посвящается Великим Влюбленным и маленьким балеринам, чьи неповторимые образы запечатлелись в моем сердце навсегда.

И с особой любовью посвящается Ванессе — обожаемому чаду и непревзойденной танцовщице.

Пусть жизнь будет к тебе снисходительна, терпелива и добра.

От всей души

Д. С.

Пролог

Посылку доставили поздним хмурым утром за две недели до Рождества. Тщательно упакованная и перевязанная бечевкой, она стояла на ступеньках крыльца, когда мы с детьми возвращались домой. По дороге дети задержались, чтобы поиграть в парке, и я следила за ними, сидя на скамейке и снова и снова возвращаясь мыслями к ней. Со дня похорон миновало уже больше недели, но я по-прежнему постоянно думала о ней. Ее прошлое так и осталось для меня тайной, о которой можно было лишь догадываться, потому что ключ к разгадке она унесла с собой. И теперь я больше всего на свете жалела, что не потрудилась расспросить ее, пока была такая возможность, — почему-то это казалось мне неважным. В конце концов, разве для такого старого человека могут быть важными какие-то мелочи из давнего прошлого? Тогда я все-речь полагала, что знаю про нее все.

Моя бабушка до конца сохранила живой, ясный взгляд и даже в восемьдесят лет все еще азартно гоняла со мной на роликовых коньках, пекла восхитительные пирожные и общалась с детворой в нашем городке уважительно и на равных — как будто рассчитывала на их взрослое, серьезное по-

нимание. Она была очень мудрой — и в то же время забавной, и дети искренне ее любили. Иногда она поддавалась на уговоры и показывала удивительные карточные фокусы, чем приводила их в полный восторг.

Она обладала приятным голосом, играла на бала-лайке и пела красивые и протяжные старинные русские песни. Впрочем, она напевала всегда — пусть даже невнятно и вполголоса — и была настоящей непоседой. До самых последних дней она сохранила подвижность и изящество, а также любовь и уважение всех, кто был с ней знаком. Я удивилась, когда в день похорон церковь до отказа заполнила толпа ее сверстниц. И тем не менее никто из нас не знал, кем же она была прежде, и как прожила детство и юность, и из какого неведомого, невероятного мира она пришла. Было известно, что она родилась в России, перебралась в Вермонт в тысяча девятьсот семнадцатом году и вскоре вышла замуж за моего деда. И мы воспринимали ее постольку, поскольку она являлась частью нашей жизни. Это нередко случается со старыми людьми — окружающим кажется, что они всегда были такими вот стариками.

Получалось, что никто из нас так и не знал ее по-настоящему, и теперь я могла лишь мучиться от неразгаданных тайн. Ну почему, почему я спохватилась так поздно? Почему не потрудилась получить ответы на свои вопросы тогда, когда еще было кому их задавать?

Моя мама скончалась десять лет назад, но я не думаю, что она знала эти ответы — скорее, ей вообще было спокойнее их не знать.

Моя мать очень походила на своего отца — серьезного, рассудительного мужчину, истинное воплощение сурового уроженца Новой Англии, каковым он на самом деле не был. Тем не менее и отец, и дочь поражали своей молчаливостью и сдержанностью. Оба не болтали понапрасну, не совали нос в чужие дела и никогда не снисходили до интереса к чужим тайнам и загадкам. Мама была чрезвычайно практичной женщиной, твердо знала, чего ей надо от жизни, и никогда не стремилась преодолеть раз и навсегда установленных границ собственного мира. Пожалуй, с ее образом лучше всего сочеталось слово «солидный» — в полную противоположность ее матери, которую я звала Грэнни* Энн.

Грэнни Энн была настоящим чудом. Она казалась эфемерным созданием из цветочных лепестков, крылышек фей и искрящейся волшебной пыли. Трудно было бы найти двух других столь несхожих меж собой женщин, и не мать, а бабушка притягивала меня к себе как магнит, завоевав детское сердце неизъяснимыми лаской и теплом. Именно Грэнни Энн я любила больше всех на свете, и по ней я так отчаянно тосковала в хмуром, заваленном сугробами парке, не понимая, как мне теперь жить. Ей было девяносто лет, и десять дней назад она ушла от меня навсегда.

Мама умерла в пятьдесят четыре года, и я искренне горевала и знала, что мне ее будет не хватать.

* Уменьшительное от grandmother (англ.) — бабушка. — *Примеч. пер.*

тать. Без нее жизнь грозила утратить некую неколебимую, надежную опору, которая в моих глазах была неразрывно связана с отчим домом. Не прошло и года, как отец взял в жены ее лучшую подругу, но это не стало для меня неожиданностью или потрясением. Ему исполнилось шестьдесят пять лет, у него было слабое больное сердце, и кто-то должен был скрашивать его одинокие ночи и готовить для него домашние обеды. Я не обиделась на него. Я все понимала. Я никогда не считала свою мать исключительной и неповторимой. Но что касалось Грэнни Энн... Без нее мир в моих глазах утратил половину своего очарования. Я не могла представить себе, что больше не услышу ее напевных, тягучих русских песен... Не важно, что она уже много лет не играла на балалайке. Вместе с ней меня покинула способность удивляться, жить в ожидании чуда. Я отдавала себе отчет в том, что моим детям не дано понять тяжести этой утраты. Для них она была всего лишь забавной старушкой с добрым взглядом и смешным акцентом... но не для меня. Я слишком хорошо осознавала, какие важные вещи потеряны для меня — навсегда, без возврата. Она была воистину выдающейся личностью с великой и загадочной душой. Человек, по-встречавшийся с ней, запоминал ее на всю жизнь.

Коробка так и осталась стоять нераспакованной на кухонном столе, пока мы с детьми обсуждали, что приготовить на обед, и пока я готовила, а они смотрели телевизор, чтобы скоротать ожидание. В тот день я успела побывать в супермаркете и купить все необходимое для рождественских пи-

рожных, которые мы собирались готовить. Дети решили посвятить этому весь вечер, чтобы на следующий день взять лакомство в школу и угостить своих учителей. Кэти вздумалось испечь настоящие кексы. Но Джефф и Мэттью твердо стояли на своем: только рождественские колокольчики с разноцветной пудрой. Мы сочли этот вечер самым подходящим потому, что мой муж, Джефф, уехал из города. Деловые совещания в Чикаго продлятся еще целых три дня.

Он ходил со мной на похороны и был полон сочувствия и тепла. Джефф догадывался, как много она для меня значила, однако пытался утешать меня тем, что человеку не страшно уйти после столь долгой и достойной жизни, что это грустно, но закономерно. Признаться, меня подобные рассуждения не трогали. Ну и что с того, что ей было девяносто лет, все равно эта смерть казалась мне вопиющей несправедливостью.

Даже в девяносто она все еще оставалась привлекательной. Ее длинные густые волосы по-прежнему спускались до талии, заплетенные в тугую косу, которую укладывали в красивый тяжелый узел по торжественным дням. Эта прическа оставалась неизменной всю ее жизнь. Она и сама оставалась неизменной, насколько я ее помню. Прямая спина, изящная фигура и живые синие глаза, чей взгляд никого не оставлял равнодушным. Это она научила меня готовить то сладкое пирожное, что мы собирались печь сегодня с детьми. Только она пекла его словно танцуя, легко и бесшумно передвигаясь по кухне на своих роликовых коньках.

Сколько раз я смеялась и плакала над ее забавными или грустными историями из жизни балерин и великих князей...

Это она впервые в жизни повела меня на балет. И я бы наверняка с детства полюбила танец так же, как и она, если бы имела такую возможность. Но мы жили в Вермонте, где не было балетной школы, и мама не захотела, чтобы она учила меня сама. Пару раз она пыталась давать мне уроки прямо на кухне, но мама была твердо убеждена, что для меня гораздо важнее как следует учиться, выполнять обязанности по дому и успевать помогать отцу ходить за двумя коровами, содержащимися в сарае во дворе. Мама была земной натурой — в отличие от бабушки. А потому в моем детстве не оставалось места ни для танцев, ни для музыки. Любовь к чудесам и загадкам, понятие о возвышенном и прекрасном, жгучее любопытство к огромному миру за стенами нашего дома — все это привила мне Грэнни Энн, пока я часами просиживала у нее на кухне, внимая каждому ее слову.

Она всегда одевалась в черное. Как будто у нее имелся неиссякаемый запас поношенных черных платьев и причудливых шляпок. Все вещи содержались в идеальном порядке, и носила она их аккуратно, с врожденным изяществом. Хотя никто не смог бы назвать ее гардероб шикарным.

Ее муж, мой дедушка, умер давно, когда я была еще маленькой, от осложнения гриппа, переросшего в воспаление легких. В двенадцать лет я вдруг спросила, любила ли она своего мужа... Я имела в виду настоящую, пылкую любовь. Она явно рас-

терялась от столь неожиданного вопроса, ласково улыбнулась и задумалась, прежде чем отвечать.

— Конечно, я любила его, — промолвила она с мягким русским акцентом. — Он всегда был ко мне добр. Он был хорошим человеком.

Однако меня интересовало совершенно иное. Я хотела знать о том безумном, ослепительном чувстве, что так часто встречалось в ее историях о великих князьях.

На мой взгляд, дед не мог похвастаться особой привлекательностью и красотой, да к тому же он был намного старше ее. На фотографиях он как две капли воды походил на мою мать: такой же серьезный и даже немного суровый. Наверное, в те времена вообще не было принято улыбаться, сидя перед объективом. Уж очень напряженно выглядят их лица. И тем труднее мне было представить их вместе. Ведь разница в возрасте составляла ни много ни мало целых двадцать пять лет! Она познакомилась с будущим мужем в тысяча девятьсот семнадцатом году, когда только приехала из России. Он работал в банке, совладельцем которого являлся, и давно потерял первую жену. У него не было детей, не было близких, и Грэнни Энн всегда повторяла, что он был ужасно одинок, когда повстречался с ней, и был к ней очень добр, но никогда не пояснял, в чем конкретно проявлялась эта доброта. Видимо, она была тогда ослепительно красивой, и вряд ли он мог перед ней устоять. Они поженились через шестнадцать месяцев после первой встречи. Через год у них родилась моя мать, и больше детей не было. Они растили единственного ребенка, и

отец буквально молился на дочь — скорее всего потому, что видел в ней свое точное подобие. Я знала все эти подробности, знала давным-давно. Но я не знала — или почти не знала — ничего о том, что было раньше. Кем была Грэнни Энн в молодости и особенно — откуда и почему она сбежала. В детстве исторические подробности казались мне не важными и только навевали скуку...

Впрочем, я помнила, что она танцевала в балетной труппе в Санкт-Петербурге и, кажется, была представлена государю императору, но мама не поощряла все эти истории. Она считала, что рассказы о всяких недосягаемых заморских странах и непонятных, чуждых людях способны лишь сбить меня с толку и породить ненужные дикие идеи, а бабушка всегда относилась с уважением к мнению дочери. Поэтому чаще всего мы говорили с ней о наших соседях в Вермонте, о тех местах, где я побывала сама, и о том, чему меня учили в школе. Но всякий раз, когда мы отправлялись на каток и она выезжала на лед, ее глаза подергивались мечтательной дымкой, и я знала, что она вспоминает Россию и тех людей, что оставила там. Слова здесь были ни к чему — мне и так было ясно, что эти люди по-прежнему владеют частью ее души, души, которую я так любила и так хотела познать до конца. Я чувствовала, что эти заповедные уголки ее памяти остаются важными и сейчас, после пятидесяти лет жизни на другом краю земли. Мне было известно о том, что вся ее родня — отец и четверо братьев — сложили головы во время революции и Гражданской войны, сражаясь на стороне

царя. Она сбежала в Америку и никогда больше не виделась с ними и тут, в Вермонте, начала новую жизнь. Действительно, она прожила здесь целую жизнь, но любовь к давно покинутым близким не угасла, она до конца была привязана всеми фибрами души к людям, оставшимся в прошлом. Они навсегда стали горькой и сокровенной, но неотъемлемой частью ее жизни, отдельным узором того причудливого полотна, что называется человеческой судьбой.

Однажды я нашла на чердаке ее старые балетные туфельки. Мне нужно было подобрать платье для школьного спектакля, и в дальнем углу чердака я наткнулась на распахнутый сундук. Изношенные чуть ли не до дыр атласные туфли лежали на самом верху и показались мне удивительно легкими и ветхими. Я благоговейно, словно прикасаясь к волшебным башмачкам, погладила истрепанный потускневший атлас и при первой же возможности спросила о них Грэнни Энн.

— Ох! — невольно воскликнула она и тут же с облегчением рассмеялась и как-то помолодела от неведомых мне воспоминаний. — Я надевала их в последний раз, когда танцевала в Мариинском театре, в Санкт-Петербурге... Этот спектакль смотрели царица... и великие княжны. — Она виновато смешалась, стоило запретным словам сорваться с губ, но все же добавила: — В тот вечер мы давали «Лебединое озеро». — Память явно унесла ее за тысячу миль от нашего дома. — Такой чудесный балет... Кто бы мог подумать, что я выступала тогда в последний раз!.. Сама не знаю, зачем я храню

эти туфли... Да, милая, ведь это было давным-давно! — Она с видимым усилием захлопнула дверь в прошлое и протянула мне чашку горячего какао со взбитыми сливками, посыпанными мелкими стружками корицы и шоколада.

Мне хотелось расспросить поподробнее, но она куда-то спешила, а когда вернулась, мне пора было садиться за уроки. Я делала их здесь же, у нее на кухне, пока она вышивала. В этот вечер мне так и не удалось вернуться к разговору о балетных туфельках, как и в последующие годы. Честно говоря, я попросту о них забыла. Да, я знала, что когда-то она была танцовщицей — из этого никто и не думал делать тайну, — но отказывалась представить ее прима-балериной. Ведь она была моей бабушкой, моей Грэнни Энн, и, кроме нее, ни одна бабушка в городе не отваживалась встать на роликовые коньки. А она надевала их как ни в чем не бывало, когда наряжалась в очередное старенькое черное платье, шляпку и перчатки и отправлялась куда-нибудь в банк с таким видом, будто совершает нечто чрезвычайно важное. Даже когда она заезжала за мной в школу на своем старинном автомобиле, у нее сохранялся этот важный и целеустремленный взгляд, моментально наполнявшийся любовью при моем появлении. Конечно, тогда мне было намного легче воспринимать ее такой забавной чудачкой и не ломать голову над какими-то там древними загадками. Она казалась такой простой и понятной — вдова моего деда, мать моей матери, моя обожаемая бабушка, которая умеет печь пирожки. Все, что выходило за эти обыден-

ные рамки, казалось слишком грандиозным, чтобы пытаться что-то понять.

А вот теперь я гадаю: может, по ночам Грэнни Энн лежала без сна и вспоминала прошлое и то, как она танцевала «Лебединое озеро» перед царицей и великими княжнами? Или все это давно быльем поросло и она была благодарна судьбе за возможность сделать вторую попытку, за мирное обеспеченное существование с нами в Вермонте? Эти две ее жизни слишком разительно отличались одна от другой. Они отличались настолько, что нам было проще позабыть о прошлом и вообразить на ее месте совершенно другую личность, ничуть не похожую на ту, что когда-то покинула Россию. И за все эти годы она ни разу не пыталась бороться с этим заблуждением. В ответ мы то ли позволили ей, то ли вынудили ее навсегда похоронить прошлое и превратили в близкое, понятное существо, с которым было так спокойно и удобно. В моих глазах она превратилась в вечную старуху и как бы утратила собственную молодость. В глазах моей матери она выглядела слишком непритязательно, чтобы быть известной балериной. В глазах ее мужа она не могла принадлежать никому на свете, кроме него. Он даже слышать не желал о том, что когда-то у нее были отец и братья. Им положено было оставаться в том навсегда погребенном мире, куда ей не было возврата. Наверное, он был бы рад вообще лишиться ее воспоминаний.

И она действительно принадлежала ему — душой и телом, — пока он не умер и не оставил ее нам. Но тогда она стала больше моей, чем мамин-